

ЛЕГЕНДЫ ХОРРОРА

МАЙКЛ МАКДАУЭЛЛ

ЭЛЕМЕНТАЛИ

Майкл Макдауэлл

Элементали

Серия «Легенды хоррора»

Текст предоставлен правообладателем

<https://litres.ru/66549638>

Элементали / Майкл Макдауэлл: АСТ; Москва; 2021

ISBN 978-5-17-132809-2

Аннотация

<p>Три поколения Сэвиджей и МакКреев, богатых и аристократических кланов, решают провести лето на побережье Мексиканского залива, в местечке Бельдам. Здесь, прямо на обжигающе жарком пляже, стоят три викторианских особняка, принадлежащих семьям. Два из них вполне обычные, а вот в третьем уже давно никто не живет, и он практически похоронен под огромной дюной из ослепительно-белого песка. Там нет людей, и никто не помнит или не хочет помнить, когда он опустел. Об этом доме не принято говорить, о нем ходят странные легенды, в его пустых комнатах живет что-то, навевающее кошмары. Что-то ужасное, и, возможно, именно оно несет ответственность за несколько страшных и необъяснимых смертей, которые произошли здесь много лет назад. Но теперь оно проснулось, и все изменится, ведь зло, скрывающееся в заброшенном особняке, жестоко, мстительно и очень голодно.</p>

Содержание

Пролог	5
Часть I	15
Глава 1	15
Глава 2	26
Глава 3	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Майкл Макдауэлл Элементали

Пролог

В самый разгар унылого полудня среды, в один из последних душных майских дней, горстка скорбящих собралась в церкви Святого Иуды Фаддея в Мобиле, штат Алабама. Кондиционер в небольшом святилище не всегда перекрывал шум перекрестка, и резкие автомобильные гудки вплетались в музыку органа, словно искаженные ноты. Место это было тусклым, влажно прохладным и пахло цветами из холодильника. Позади алтаря сходящимися линиями расположились две дюжины громадных дорогущих букетов. Огромное одеяло серебряных роз, ниспадая, раскинулось поперек голубого гроба, лепестки рассыпались по белой сатиновой обивке. В гробу лежало тело женщины чуть за пятьдесят. Черты ее лица были неподвижными и несколько квадратными, от уголков рта к челюсти шли глубокие борозды. Смерть настигла Мэриэн Сэвидж не в самый счастливый период жизни.

На скамье слева от гроба сидел Дофин Сэвидж, сын усопшей. На нем был темно-синий костюм, плотно облегавший его по прошлогодней мерке, на руке черная шелковая лента, похожая скорее на жгут. Справа от него в черном платье и черной вуали стояла его жена Ли. Ли приподняла подбородок, чтобы видеть профиль мертвой свекрови в голубом гробу. Дофин и Ли унаследуют почти все.

Большая Барбара МакКрэй, мать Ли и лучшая подруга

усопшей, сидела на скамье прямо позади и громко плакала. Ее черное шелковое платье поскуливало вместе с хозяйской, скрючившейся от горя на полированной дубовой скамье. Подле нее с раздражением закатывал глаза от нелепого поведения матери Люкер МакКрэй. Люкер считал, что для покойницы сложно было бы сыскать лучшее место, кроме как в этом гробу. Рядом с Люкером сидела его тринадцатилетняя дочь Индия, которая не знала Мэриэн при жизни. Девочка занимала себя разглядыванием церковных занавесок, чтобы потом воспроизвести орнаменты в вышивке.

По другую сторону центрального прохода сидела единственная дочь усопшей, монахиня. Сестра Мэри-Скот не плакала, но время от времени слышалось слабое постукивание ее четок о деревянную скамью. На несколько скамеек позади монахини сидела Одесса Ред, худая, мрачная чернокожая женщина, которая работала на умершую три десятка лет. На Одессе была крошечная синяя вельветовая шляпка с пером, выкрашенным индийскими чернилами.

Перед началом похоронной церемонии Большая Барбара МакКрэй толкнула дочь и спросила, почему не было печатного приглашения на службу. Ли пожала плечами.

– Дофин сказал, что так лучше. Меньше суеты для всех, поэтому я никому не говорила.

– И никого не пригласила! – воскликнула Большая Барбара.

– Дофин даже заставил носильщиков ждать снаружи, – до-

бавила Ли.

– Может, ты знаешь *почему*? – потребовала ответа мать.

– Нет, – ответила Ли, не ведающая, но и не заинтересованная. – Почему бы тебе не спросить Дофина, мама? Он сидит рядом с тобой и слышит каждое твое слово.

– Дорогая, я думала, ты знаешь. Я не хочу беспокоить Дофина, ему и так несладко.

– Заткнись, Барбара, – сказал ее сын Люкер. – Ты прекрасно знаешь, почему это закрытые похороны.

– Почему?

– Потому что мы единственные во всем Мобиле, кто пришел бы. Нет смысла рекламировать цирк, если все ненавидят клоуна.

– Но Мэриэн Сэвидж была моей лучшей подругой, – запротестовала Большая Барбара.

Дофин Сэвидж, не слишком внимательно следивший за перебранкой, обернулся и без злости сказал:

– Тише, вы, пожалуйста, священник уже здесь.

Они встали на колени, получили краткое благословение священника, поднялись и спели гимн «Пребудь со мной».

Между второй и третьей строфами Большая Барбара МакКрэй громко вставила: «Это была ее любимая!» Она взглянула на Одессу через проход, и короткий кивок крашеного пера подтвердил ее слова.

Пока другие пели «Аминь», Большая Барбара МакКрэй сказала: «Я уже по ней скучаю!»

Священник прочитал службу по усопшей быстро, но не без симпатии. Дофин Сэвидж поднялся, подошел к краю скамьи, как будто был недостоин занять место поближе к гробу, и произнес краткую речь о своей матери.

– Все, кому посчастливилось по-настоящему узнать маму, были от нее без ума. Я мог бы сказать, что она была счастлива, но увы, это далеко от правды. Ее счастливая жизнь закончилась после того, как умер папа. Она вырастила Мэри-Скот, и Дарнли, и меня, подарив всю любовь мира, даже несмотря на то, что часто приговаривала, что должна была умереть в день, когда папу похоронили. А потом и Дарнли тоже умер. Все знают, как тяжело ей было в последние годы – ведь химиотерапия имеет множество побочных эффектов, и даже тогда нельзя быть уверенным, что она сработает. Конечно, нам всем очень жаль, что мама умерла, но мы не можем сожалеть о том, что ее боль утихла.

Он вздохнул и посмотрел на Мэриэн Сэвидж в гробу. Отвернувшись, продолжил более грустным и мягким тоном.

– Сейчас она в том самом платье, в котором была на нашей с Ли свадьбе. Она говорила, что это самое красивое платье из всех, что у нее были. После приема она сняла его, повесила на вешалку и сказала, что хранила именно для *этого* момента. Она была бы счастлива увидеть, сколько цветов здесь сегодня, увидеть, насколько она была небезразлична людям. С самого момента ее смерти люди звонили и спрашивали, нужно ли им принести цветы или отправить пожертвование

на исследование рака, а Ли и я – кто бы ни взял трубку – говорили: «Ох, пришлите цветы, маму никогда не интересовала благотворительность, но она так надеялась на то, что, когда умрет, в церкви для нее будет множество цветов. Она хотела, чтобы их аромат доходил до небес!»

Большая Барбара МакКрэй энергично закивала и громко прошептала: «Прямо как Мэриэн... прямо как она!»

Дофин продолжал:

– До визита в похоронное бюро я был очень расстроен смертью мамы. Но вчера я вошел туда, увидел ее, и теперь я в порядке. Она выглядит такой счастливой! Такой естественной! Я смотрю на нее и думаю, что она ушла, сидит теперь на небесах и переживает за меня! – Дофин повернулся к гробу и нежно улыбнулся мертвой матери.

Большая Барбара МакКрэй обняла дочь за плечо.

– Ты приложила руку к написанию поминальной речи, Ли?

– Заткнись, Барбара! – сказал Люкер.

– Мэри-Скот, – Дофин обратился к монахине, – хочешь что-нибудь сказать о маме?

Сестра Мэри-Скот покачала головой.

– Бедняжка! – прошептала Большая Барбара. – Могу поклясться, что она просто раздавлена горем.

Повисла тревожная пауза. Священник уставился на Дофина, который все еще стоял у края скамьи. Дофин смотрел на сестру, которая возилась с четками. Органист разгляды-

вал их со своего балкона, будто ожидая сигнала.

–*Вот* поэтому и нужна распечатанная программка! – прошептала Большая Барбара сыну, посмотрев на него осуждающе. – Когда распечатанной программы нет, никто просто не имеет понятия, что делать дальше. Я могла бы вставить ее в свой памятный альбом.

Сестра Мэри-Скот внезапно поднялась со скамьи.

– Она все-таки собралась говорить? – спросила Большая Барбара с ноткой надежды в голосе, которую все услышали.

Сестра Мэри-Скот не заговорила, но ее подъем определенно был сигналом. Органист, пару раз неуклюже задев ногой по педалям органа, вылез из своего чердака и скрылся за маленькой боковой дверью.

Кивнув Дофину и сестре Мэри-Скот в заговорщическом молчании, священник резко повернулся на каблуках. Его шаги эхом вторили органисту, удаляющемуся из святылища.

Эти двое служащих как будто внезапно решили по исключительной и непреодолимой причине покинуть церемонию до ее завершения. А похороны, конечно же, еще не закончились: не было ни второго гимна, ни благословений, ни постлюдии. Носильщики все еще ждали снаружи храма. Скорбящие остались наедине с телом усопшей.

В крайнем удивлении от такого необъяснимого происшествия Большая Барбара обернулась и громко сказала Одессе, которая сидела в десятке метров от нее:

– Одесса, что они себе позволяют? Куда ушел отец Нэлти? Почему этот мальчик перестал играть на органе – когда *ему платят* за похороны, он всегда играет, я знаю!

– Миз Барбара... – умоляюще проговорила Одесса.

– Барбара, – тихо сказал Люкер, – отвернись и просто замолчи.

Она начала протестовать, но Дофин с горечью одернул ее:

– Большая Барбара, прошу...

Большая Барбара, любившая своего зятя, застыла на скамье, хоть это и стоило ей усилий.

– Пожалуйста, давайте все вместе помолимся за маму пару минут, – сказал Дофин. Остальные послушно склонили головы.

Краем глаза Индия МакКрэй заметила, как сестра Мэри-Скот достала из-под своего скапулярия¹ узкий черный ящик. Она крепко держала его в руках перед собой.

Индия слегка щелкнула длинным накрашенным ногтем тыльную сторону ладони отца. «Что там у нее?» – спросила его шепотом.

Люкер взглянул на монахиню, озадаченно покачал головой и прошептал в ответ: «Не знаю».

Долгие секунды в святилище не было ни единого движения. Неожиданно запустился кондиционер, заглушая уличный шум. Никто не молился. Дофин и Мэри-Скот, потря-

¹ Скапулярий – часть монашеской одежды, длинная широкая лента, надеваемая на плечи.

сенные и явно более всех смущенные, стояли, глядя друг на друга через центральный проход. Ли немного наклонилась и повернулась боком. Положив локоть на спинку скамьи, она приподняла вуаль, чтобы обменяться недоуменными взглядами с матерью. Люкер с дочерью сжали ладони друг друга, выражая свое изумление. Одесса пристально смотрела перед собой, словно от нее не стоило ожидать удивления по поводу того, что происходило на похоронах такой своенравной женщины, как Мэриэн Сэвидж.

Дофин громко вздохнул и кивнул сестре. Они медленно двинулись к алтарю и заняли места за гробом, не глядя на мать, мрачно уставившись перед собой. Дофин взял у монахини узкий черный ящик, сдвинул защелку и приподнял крышку. Все МакКрэй вытянули шеи, но не смогли разглядеть, что внутри. На лицах брата и сестры было что-то одновременно настолько испуганное и торжественное, что даже Большая Барбара воздержалась от замечаний.

Из ящика Мэри-Скот достала сверкающий кинжал с узким лезвием длиной около двадцати сантиметров. Дофин и сестра Мэри-Скот вместе держали оружие за отполированную рукоять. Дважды они провели им над открытым гробом, а затем направили острие прямо на небьющееся сердце матери.

Удивление Большой Барбары было настолько велико, что ей пришлось встать; Ли схватила ее за руку и вскочила. Люкер и Индия последовали примеру, как и Одесса, сидевшая

через проход. Встав, скорбящие смогли заглянуть в гроб. Они почти ожидали, что Мэриэн Сэвидж приподнимется в знак протеста против таких необычайных процедур.

Сестра Мэри-Скот отпустила рукоять ножа. Ее руки дрожали над гробом, а губы двигались в молитве. Ее глаза широко раскрылись, когда она наклонилась к гробу и разорвала льняные погребальные одежды. Неприукрашенная плоть Мэриэн Сэвидж была отчетливо желтой; сестра Мэри-Скот сдвинула протез и обнажила шрамы от мастэктомии. Резко вздохнув, Дофин высоко поднял нож.

– Господи, Дофин! – воскликнула Мэри-Скот. – Покончи с этим!

Дофин вдавил клинок на пару сантиметров во впалую грудь Мэриэн. Он держал его там, пока не перестал дрожать.

Дофин вынимал нож медленно, словно боясь причинить Мэриэн Сэвидж боль. Лезвие покрылось смесью свернувшихся жидкостей небальзамированного тела. Снова вздрогнув от прикосновения к трупам, он вложил нож в холодные жесткие руки матери.

Сестра Мэри-Скот отшвырнула пустой черный ящик, и он загрохотал по полированному деревянному полу. Она быстро подобрала погребальные одежды и без церемоний бросила крышку гроба на изуродованное тело матери. Затем трижды громко стукнула по крышке. Звук раздавался удручающе пустой.

Священник и органист появились через маленькую боко-

вую дверь. Дофин и Мэри-Скот бросились к задней части церкви и раскрыли огромные деревянные створки, чтобы впустить носильщиков. Шестеро мужчин пробежали по проходу, водрузили гроб на плечи и под аккомпанемент оглушительной постлюдии понесли его на огненное солнце в неистовую майскую жару полудня среды.

Часть I

Мамаши Сэвиджей

Глава 1

Дом, в котором жили Дофин и Ли Сэвидж, был построен в 1906 году; большой, удобный, с просторными комнатами и аккуратными симпатичными деталями на каминах, лепнине, рамах и остеклении. Из окон второго этажа можно было увидеть заднюю часть большого особняка Сэвиджей на бульваре Говернмент. Дом Дофина был второй резиденцией Сэвиджей, предназначенной для младших сыновей и их жен. Патриархи, старшие сыновья и вдовцы получали Большой дом, как его называли. Мэриэн Сэвидж хотела, чтобы новобрачные Дофин и Ли оставались с ней в Большом доме, пока не заведут детей – к младенцам и маленьким детям сердце у нее не лежало, – но Ли вежливо отказалась от этого предложения. Невестка сказала Мэриэн Сэвидж, что ей не терпится поселиться в своем собственном гнездышке, отметив, насколько лучше работает кондиционер в Малом доме.

И, несмотря на полуденную жару в эту среду, когда температура на кладбище поднялась до сорока градусов, застекленное крыльцо на заднем фасаде дома Дофина и Ли бы-

ло почти до неприятия прохладным. Резкий солнечный свет, заливавший передний фасад дома, здесь затеняли два огромных дуба, которые отделяли задний двор Маленького дома от обширной территории особняка. В этом просторном помещении, заполненном плотно обитой узорным ситцем мебелью, Большая Барбара сняла туфли и чулки. Под ногами ее была холодная плитка, а в скотче – много льда.

Прямо сейчас в доме были только Люкер, Большая Барбара и Индия. Две горничные получили выходной в знак почтения к умершей. Большая Барбара сидела в углу обширного мягкого дивана и пролистывала каталог бытовой техники, загибая страницы так, чтобы Ли не пропустила. Люкер, снявший туфли, растянулся на диване, положив ступни на колени матери. Индия сидела позади дивана за длинным столом на козлах, перерисовывая на миллиметровой бумаге узоры, которые запомнила в церкви.

– Дом кажется таким пустым, – заметил Люкер.

– Потому что кто-то больше не с нами, – ответила мать. – Дома всегда кажутся опустевшими после похорон.

– А где Дофин?

– Дофин отвозит Мэри-Скот обратно в Пенсаколу. Надеемся, что он вернется к ужину. Ли и Одесса хлопочут в церкви. Люкер, послушай...

– Что?

– Я не хочу, чтобы кто-то из вас умер, пока я жива, потому что просто не могу выразить словами, насколько хлопотно

устраивать похороны.

Люкер не ответил.

– Большая Барбара? – окликнула Индия бабушку, когда та стучала в стакане последним кубиком льда.

– Что, деточка?

– Здесь всегда на похоронах делают так?

– Как? – не оборачиваясь, беспокойно спросила Большая Барбара.

– Втыкают ножи в мертвецов.

– Я надеялась, что ты не обратила на это внимания, – ответила Большая Барбара. – Но, уверяю тебя, это *не* входит в обычные процедуры. Я вообще никогда до этого не видела, чтобы так делали. И мне несказанно жаль, что тебе пришлось за этим наблюдать.

– Меня не очень-то побеспокоило, – пожала плечами Индия. – Она же мертвая была, так ведь?

– Да, – ответила Большая Барбара, глядя на сына в надежде, что он прервет их неуместный диалог. Глаза Люкера были закрыты, и Большая Барбара поняла, что он хотел притвориться спящим. – Но ты еще слишком мала, чтобы знать о таких вещах. Я побывала на первой свадьбе, когда мне было девять, а на похороны меня не пускали до пятнадцати – и это было после урагана «Делия», когда половину людей, которых я знала, подняло в воздух километров на сорок, а телефонные столбы были все утыканы зубочистками. Много похорон было в том месяце, ой много!

– Я видела мертвых раньше, – сказала Индия. – Однажды я шла в школу и увидела в дверном проеме мертвеца. Мы с другом потыкали в него палкой. Пошевелили его ногу, а потом убежали. А еще как-то раз мы с Люкером заказали дим самы в Чайнатауне...

– Что заказали? Это потроха какие-то?

– Мы обедали в Чайнатауне, – упростила Индия, – а потом вышли из ресторана и увидели двух маленьких китайнок, которых переехала водовозка. Так мерзко – их мозги были повсюду. После этого я сказала Люкеру, что больше никогда не буду есть мозги – до сих пор не ем.

– Это ужасно! – воскликнула Большая Барбара. – Эти бедные маленькие девочки – Индия, они что, были близняшками?

Индия не знала.

– Какая жуткая история! – воскликнула Большая Барбара, скидывая ноги Люкера с колен. – Вот такие вещи и происходят в Нью-Йорке. Ты же уже развелся, не понимаю, почему до сих пор там живешь.

– Я люблю Нью-Йорк, – ответил Люкер, не открывая глаза.

– И я, – подхватила Индия.

– Когда ты развелся с... той женщиной, тебе следовало бы вернуться жить домой.

– Ненавижу Алабаму, – ответил Люкер.

Индия промолчала.

– Люкер, – Большая Барбара перешла к своей любимой теме, – самым счастливым в моей жизни был день, когда ты позвонил и сказал, что разводишься. Я рассказала Лоутону. «Лоутон, – говорю, – я...»

– Не начинай, – предупредил Люкер. – Мы все знаем, что ты думаешь о... той женщине.

– Тогда поднимись и налей мне еще скотча. От горя всегда – с самого раннего детства, – от горя у меня всегда пересыхает в горле.

Люкер медленно поднялся.

– Барбара, еще даже не четыре. Ты высосала первый стакан...

– Я просто пыталась добраться до льда, так хотелось пить. На кладбище должен быть фонтанчик. Ума не приложу, почему его нет. Люди хотят пить на похоронах точно так же, как и везде.

Уже из кухни Люкер закричал: «Ты пьяница, Барбара, и с этим пора что-то делать!»

– Как ты с отцом разговариваешь! – Большая Барбара повернулась к Индии. – Ты с ним обращаешься так же плохо, как он со мной?

Индия оторвала красный карандаш от миллиметровки.

– Да.

– Испорченный ты ребенок! – возопила Большая Барбара. – Не знаю, зачем я растрачиваю любовь на вас обоих!

Люкер принес матери напиток.

– Сделал слабенький. Лед да вода. Тебе незачем напиваться, пока не зашло солнце.

– Моя лучшая в мире подруга умерла, – ответила Барбара.
– Я ее поминаю.

– Ее и без тебя помянут, – тихо сказал Люкер. Он плюхнулся обратно на диван и снова уронил ноги на колени матери.

– Ровно положи! – скомандовала Большая Барбара. – Чтобы я могла опустить каталог.

Несколько минут стояла тишина. Индия продолжала свою кропотливую работу горсткой цветных карандашей, Люкер, видимо, спал, Большая Барбара потягивала напиток и переворачивала страницы каталога, прислонив его к ногам Люкера.

– Боже святой! – обратилась Большая Барбара к Люкеру и ударила его кулаком по коленям. – Ты видел, Люкер?

– Видел что? – пробормотал он без интереса.

– Тут есть мороженица за семьсот долларов. Ей даже не нужна соль. Может быть, даже молоко и сливки не надо. За такие деньги она должна включаться в розетку и через четыре минуты выдавать полкило вишнево-персиково-ванильного пломбира.

– Я удивлен, что Ли такую не купила.

– Так купила! – ответила Большая Барбара. – Но я-то не знала, что она стоит целых семьсот долларов! На семьсот долларов можно внести первоначальный взнос за дом на ко-

лесах!

– Покупать дома на колесах – моветон, Барбара. Мороже-ницу, по крайней мере, можно спрятать в шкафу. Тем более, у Дофина денег не занимать. А теперь, когда Мэриэн Сэвидж наконец так удачно и изящно откинула копыта, у него их еще прибавится. Они собираются переехать в Большой дом?

– Я не знаю, они еще не решили. И не решат, пока мы не вернемся из Бельдама.

– Барбара, – сказал Люкер, – кому в голову пришла идея поехать всем вместе в Бельдам? Я про то, что Мэриэн Сэвидж умерла в Бельдаме. Ты правда думаешь, что Дофину пойдет на пользу находиться там, где умерла его мать всего три дня назад?

Барбара пожала плечами.

– Ты же не думаешь, что я могла предложить что-то подобное? И Ли тоже нет. Это идея Дофина – Дофина и Одессы. Одесса была там с Мэриэн, конечно же, ведь в те дни Мэриэн настолько ослабла, что не могла даже пройтись по коридору без помощи Одессы. И так или иначе, Дофин и Одесса, судя по всему, считают, что нам всем пойдет на пользу съездить туда и выбраться из привычной обстановки. Ты ж помнишь, когда Ботвелл умер там, никто оттуда не уезжал полгода – а в том году было прекрасное лето!

– Ботвелл – это отец Дофина? – спросила Индия.

Барбара кивнула.

– Сколько было Дофину, когда Ботвелл умер, а, Люкер?

– Пять. Шесть. Семь, – ответил Люкер. – Не помню. Я даже не помнил, что он умер в Бельдаме.

– Знаю, – ответила Барбара. – Кто вообще теперь вспоминает бедного старого Ботвелла? Во всяком случае, Мэриэн пробыла там не так уж и долго, чтобы говорить, что все ее страдания пришлись на Бельдам. Они с Одессой провели там не больше полутора дней, когда Мэриэн скончалась. Это очень странно. Она жила в Большом доме почти два года, едва ли выходя из комнаты, спала днями и скулила ночами. А потом однажды встала и сказала, что хочет поехать в Бельдам. Я пыталась ее отговорить, но если Мэриэн что-то взбредет в голову, то это уже не выбить. И она просто встает и уезжает в Бельдам. Дофин хотел с ней поехать, но Мэриэн ему не позволила. Не разрешила даже отвезти. Джонни Ред отвозил ее и Одессу. Не прошло и суток, как патрульный постучал в дверь и сказал Дофину, что Мэриэн скончалась. Просто ужас.

– А от чего она умерла? – спросила Индия.

– От рака, – ответила Большая Барбара. – Он просто пожирал ее. Так странно – она смогла продержаться здесь два года, а потом внезапно умерла, как только добралась до Бельдама.

– Одесса была с ней в момент смерти? – спросил Люкер. Барбара покачала головой.

– Одесса наверху убиралась или еще что-то, а у Мэриэн на веранде случился инсульт. Когда Одесса спустилась вниз,

качели все еще раскачивались, но Мэриэн лежала замертво на паркете. Одесса занесла ее в дом, положила в гамак, отправилась в Гаск и вызвала дорожный патруль. Она пыталась позвонить Дофину, но никого не было дома. Послушай, Люкер, – сказала Большая Барбара чуть тише, – Индия заставила меня задуматься – ты понял, что это за ритуал с ножом?

Люкер повернулся так, чтобы его лицо оказалось зажатым между подушкой и спинкой дивана. Большая Барбара развернула его обратно.

– Да, понял, – ответил он.

– И?

– Дофину и Мэри-Скот было просто очень жаль, что они не успели вонзить нож, пока та была еще жива, и поэтому воспользовались последним шансом.

В углу комнаты, в клетке, подвешенной в двух метрах от пола, сидел большой красный попугай. Он вскрикнул.

Большая Барбара кивнула.

– Видишь. Нэйлз понимает каждое твое слово. Мэриэн любила эту птицу, не смей говорить о Мэриэн гадости при Нэйлзе! Ему это не нравится.

– Что он вообще тут делает?

– Ну, они не могли оставить его в Большом доме, он бы истосковался по Мэриэн за три часа.

– С ней бы и похоронили.

– Я думала, попугаи умеют разговаривать, – сказала Индия.

Нэйлз просунул клюв сквозь прутья клетки и снова закрычал.

– Этот прямо сейчас очень точно имитирует Мэриэн Сэвидж, – сказал Люкер.

– Люкер! – воскликнула Большая Барбара, хватая его за пальцы ноги и выкручивая их. – Я не понимаю, почему ты так плохо отзываешься о женщине, которая была моим самым лучшим другом в мире.

– Потому что она была самой отъявленной сукой, что когда-либо ходила по улицам Мобила.

– Тебе не следует использовать такие выражения при тринадцатилетней дочери.

– Она меня не видит, – ответил Люкер, скрытый из поля зрения Индии, – и не знает, кто это сказал.

– Знаю, – сказала Индия, но потом добавила, обратившись к своей бабушке: – Он и похуже говорил. Впрочем, как и я.

– И не сомневаюсь, – вздохнула Большая Барбара.

– Барбара, ты же знаешь, какой она была мегерой, – сказал Люкер. – Бедняга Дофин, она относилась к нему, как к грязи, пока Мэри-Скот была рядом. А потом, когда Мэри-Скот ушла в монастырь, она его с говном сравнивала.

– Ш-ш-ш!

– Ты же знаешь, что это правда, – Люкер пожал плечами. – И так было в течение двухсот лет в этой семье. Все мужчины очень милые и добросердечные, а женщины разгуливают в броне.

– Но из них получаются хорошие жены! – возразила Большая Барбара. – Мэриэн была хорошей женой Ботвеллу, пока тот не ушел в мир иной. Она сделала его счастливым.

– И ему, судя по всему, нравилось быть пригвожденным к стене и избитым велосипедной цепью.

– Как и тебе, – сказала Индия отцу.

Большая Барбара встревоженно повернула голову.

– Индия врет и не краснеет, – спокойно ответил Люкер. – Она ничего не знает о моей половой жизни. Ей всего тринадцать, – сказал он, приподнимаясь, чтобы ухмыльнуться в сторону дочери. – Она даже не знает, что такое трахаться.

– Люкер!

– Ох, Барбара, послушай, пока мои ноги у тебя на коленях, почему бы тебе не размять их? Эти туфли так давят весь день.

Большая Барбара стянула с сына носки и начала массировать ноги.

– Ну, – сказал Люкер, – то, что из Сэвиджей получают хорошие жены, не отменяет того факта, что как матери они не лучше выгребных ям.

– Это не так!

– Барбара, ты не знаешь, о чем говоришь. Почему ты пытаешься защитить мертвую женщину?

– Мэриэн Сэвидж....

– Мамаши Сэвиджей жрут своих детей! – заорал Люкер, и попугай снова вскрикнул.

Глава 2

Большая Барбара, Люкер и Индия провели на застекленной веранде еще час, ожидая возвращения Ли. Люкер спал, все еще разложив ноги на коленях матери, беспокойно поворачиваясь, только когда кричал попугай Нэйлз. Индия принесла бабушке стопку каталогов для просмотра, пока сама вышивала зелеными и фиолетовыми нитями по голубой рубашке. Изумрудные солнечные лучи светили сквозь листья дубов позади дома. Перед одним из окон болтался квадрат свинцового витража, и временами солнце, на мгновение пробиваясь сквозь волнующуюся листву, пронзало этот квадрат стекла и окрашивало лицо Индии в золотой, синий и красный.

Наконец приехала Ли: они услышали машину на гравийной подъездной дорожке, услышали хлопки дверей машины, услышали, как внизу открылась дверь в прачечную.

– Было так много работы? – спросила Большая Барбара у дочери, которая прошла через кухню. – Тебя так долго не было.

– Поднимайся, Люкер! – сказала Ли. – Я весь день на ногах.

Люкер, устало пошатываясь, встал с дивана. Ли скинула туфли и заняла его место. Она отцепила вуаль и бросила ее на журнальный столик.

– Мама, держу пари, ты сидела здесь весь день, наминая ему ноги. А теперь немного разомни мои.

– Ты хочешь в чулках или без?

– Ох, пусть остаются. У меня сил нет их сейчас снимать.

– Ты привела Одессу с собой? – спросил Люкер, который теперь сидел за столом и изучал работу дочери на миллиметровке.

– Я здесь, – сказала Одесса из кухни.

– Это то, что заняло у нас так много времени, – сказала Ли. – Мы вернулись в церковь, позаботились там обо всем, хотя, когда всего семеро гостей и только один гроб, дел не так уж и много.

– Что вы сделали с лишними цветами?

– Мы отвезли их в церковь Одессы. Вчера вечером там скончалась старая монахиня, а у семьи ничего не было, поэтому мы перенесли цветы и поставили в церкви.

– Хотите что-нибудь выпить? – спросила Одесса.

– Чай со льдом, – сказала Ли, – пожалуйста.

– Скотч и много льда, – попросила Большая Барбара.

– Вот этим лучше я займусь, – сказал Люкер Одессе. – Себе сам что-нибудь соображу. Хочешь чего-нибудь, Индия?

Индия, не одобрявшая семейную прислугу, покачала головой на предложение Одессы, но отцу ответила:

– Может, немного хереса...

– У Дофина есть Пунт э Мес², – сказал Люкер.

² *Punt e Mes* – сладкий вермут.

– О, круто! С кубиком льда.

Большая Барбара обернулась.

– Люкер, этот ребенок пьет?

– С тех пор как мы сняли ее с наркотиков, – ответил Люкер и подмигнул Одессе.

– Но ты слишком мала, чтобы пить! – закричала Большая Барбара на свою внучку.

– А я говорю, нет, – спокойно ответила Индия.

– Но слишком мала, чтобы пить у меня на глазах!

– Тогда отвернись.

– Так и сделаю, – сказала Барбара и сделала. Она посмотрела на Ли. – Ты представляешь, этот ребенок постоянно видит мертвых людей в Нью-Йорке – прямо на улице. Мертвые на улице, слышала о таком когда-нибудь? Люди умирают в таких местах, где ты их видишь, да еще и можешь палкой потыкать!

– Индия гораздо взрослее, чем я была в ее возрасте, мама, – ответила Ли. – Не думаю, что тебе следует излишне о таком беспокоиться.

– Отец из Люкера просто ужасный, как по мне. Он самый гадкий человек в мире, кого угодно спроси.

– Это поэтому ты любишь его больше, чем меня? – спросила Ли.

Большая Барбара не ответила, а Индия засмеялась.

– Люкер не плохой, – ответила она.

Люкер появился с подносом с напитками. Первым делом

он подошел к Индии.

– Смотри, Барбара, – сказал он, – смотри, как хорошо я ее выдрессировал. Что надо сказать, Индия?

Индия встала из-за стола, отвесила поклон и проговорила, давась от смеха:

– Благодарю вас, отец, за то, что принесли мне бокал Пунт э Мес со льдом.

Индия снова села, но Большую Барбару это не убедило.

– Манеры у нее есть, но что насчет морали?

– О, – беспечно ответил Люкер, – у нас с ней нет никакой морали. Всего лишь парочка угрызений совести.

– Так и думала, – сказала Большая Барбара. – Из вас обоих ничего не выйдет.

Индия повернулась к бабушке.

– Мы отличаемся от тебя, – только и сказала она.

Большая Барбара покачала головой.

– Слышала ли ты когда-нибудь более правдивые слова, Ли?

– Нет, – сказала Ли, случайно пролив половину чая со льдом на свое черное платье. Покачав головой от собственной неуклюжести, она встала и пошла переодеваться. Когда она вернулась через несколько минут, Люкер снова занял свое место на диване; он игриво предложил ей вернуть его обратно.

– Ну что, – сказала Ли, садясь в кресло, стоящее перед всеми, – вы ведь до смерти хотите узнать тайну ножа, так?

– Ты знаешь?! – воскликнула Большая Барбара.

– Одесса рассказала мне на обратном пути в церковь.

– Как вышло, что Одесса знала, а ты нет? – спросил Люкер.

– Потому что это семейный секрет Сэвиджей и нет ничего, что Одесса не знала бы о Сэвиджах.

– Мэриэн Сэвидж мне все рассказывала, – возразила Большая Барбара, – но она никогда ни слова не проронила о втыкании ножей в мертвецов. Я бы такое запомнила.

– Давай поведай нам, – голос Люкера звучал нетерпеливо, несмотря на его расслабленную позу.

– Принеси мне выпить, Люкер, и я расскажу вам то, что услышала от Одессы. И когда вы всё узнаете, не смейте упоминать об этом при Дофине, понятно? Ему не нравилось это делать, он не хотел вонзать нож в грудь Мэриэн.

– Меня надо было попросить! – сказал Люкер.

В клетке закричал Нэйлз.

– Ненавижу эту птицу, – устало сказала Ли.

Люкер ушел за выпивкой, вернулся уже с Одессой.

– Ты хочешь убедиться, что она рассказывает все правильно? – спросил Люкер через плечо, и та кивнула.

Перебирая вверх-вниз костлявыми черными пальцами по стакану с чаем, Одесса уселась в дальнем углу стола, где Индия вплотную склонилась над блокнотом с миллиметровой бумагой.

Ли оглядела всех с серьезным выражением лица.

– Одесса, ты же прервешь меня, если я скажу что-нибудь неправильно, да?

– Да, мэм, разумеется, – ответила Одесса, закрепив сделку глотком чая.

– Что ж, – начала Ли, – мы все знаем, как давно Сэвиджи живут в Мобиле...

– С тех самых пор, как появился Мобил, – подхватила Большая Барбара. – Они были французами. Французы первые сюда пришли – после испанцев. Первоначально они звались Соваж. – Это маленькое отступление было сделано для Индии, которая закивала над своим альбомом.

– Так вот, примерно в то время – примерно двести пятьдесят лет назад – Мобилом управляли французы, и Сэвиджи уже тогда имели вес. Губернатором всей французской области был Сэвидж, и у него была дочь, не знаю ее имени, может, ты знаешь, Одесса?

Одесса покачала головой.

– Итак, эта дочь умерла при родах. Ребенок тоже умер, и их похоронили в семейном мавзолее. Не в этом, в котором мы сегодня хоронили Мэриэн, тот был до него, и его больше нет. В общем, на следующий год умер ее муж, и они снова открыли мавзолей.

Она сделала паузу.

– И вы знаете, что там нашли? – подсказала Одесса.

Никто не имел ни малейшего представления.

– Оказалось, что они похоронили эту девушку заживо, –

сказала Ли. – Она очнулась в гробу, сдвинула крышку и кричала, и кричала, но никто не слышал, и она ссадила себе руки, пытаясь открыть дверь, но так и не смогла, а еще ей нечего было есть, так что она съела своего мертвого ребенка. А когда она ела ребенка, складывала его кости в углу и затем накрыла их его одеждой. А потом умерла от голода, вот что нашли, когда открыли мавзолей.

– Этого бы не случилось, если бы ее забальзамировали, – сказала Большая Барбара. – Часто люди чернеют за минуту на столе для бальзамирования, и это значит, что в них осталось немного жизни, но после того, как входит жидкость для бальзамирования, никто уже не просыпается. Кто бы ни был рядом, когда я умру, прошу, позаботьтесь о том, чтобы меня забальзамировали.

– Не думаю, что это конец истории, Барбара, – упрекнул ее Люкер за вмешательство.

– Ну, – сказала Большая Барбара в свою защиту, – история и так ужасающая, не знаю, что еще может случиться.

– Так вот, когда обнаружили мертвую женщину и кучку костей на полу мавзолея, все были так расстроены, что решили сделать все, чтобы в будущем такого не допустить. С тех пор на каждых похоронах глава семьи вонзает нож в сердце покойного, чтобы удостовериться, что тот точно умер. Они всегда проделывали это во время службы, чтобы все видели и больше не волновались, что мертвец очнется в мавзолее. Идея была не такая уж и плохая, если учесть, что в те време-

на, скорее всего, не знали о жидкости для бальзамирования.

Индия оторвалась от миллиметровки и внимательно слушала Ли. Однако ее карандаш увлеченно скользил по странице, и время от времени она смотрела вниз и как будто удивлялась картине, которая там вырисовывалась.

– С тех пор каждый, кто рождался в семье Сэвиджей, получал на крещение нож, и этот нож оставался с ним до конца жизни. После смерти этот нож вонзали в грудь, а затем клали ему в гроб.

– А потом это стало ритуалом, – сказал Люкер. – Я про то, что Дофин ведь не вонзил нож полностью, да? Он просто чуть-чуть ее надрезал.

– Правильно, – подтвердила Одесса, – но и это еще не все.

– Не могу поверить, что это не конец! – воскликнула Большая Барбара.

– Незадолго до Гражданской войны, – продолжила Ли, – жила-была девушка, которая вышла замуж за Сэвиджа, и у них родилось двое детей, девочки, а третий ребенок был бы мальчиком, но умер при рождении. И его мать умерла следом за ним. Их хоронили вместе в одном гробу, прямо как в первый раз.

– Они и в младенца нож воткнули? – спросила Индия. Ее карандаш выводил в блокноте штриховку, но хозяйка не обращала на него внимания.

– Да, – сказала Одесса.

– Да, – подтвердила Ли, – разумеется. Отец мальчика сна-

чала воткнул нож в ребенка, а затем вытащил – должно быть, было ужасно даже осознавать, что это придется сделать. Церковь была полна, и отец вынул нож из маленького ребенка. Он плакал, но собрался, поднял кинжал высоко и опустил в грудь своей жены...

– И? – подтолкнул Люкер, когда она остановилась.

– И она с криком очнулась, – тихо сказала Ли. – Она очнулась от входящего в нее ножа. Кровь брызнула во все стороны, залила похоронные одежды, ребенка и мужа. Она схватила его за шею и притянула к себе в гроб, а затем гроб перевернулся, и все трое выкатились в проход. Она сжала руки у него на шее и так и умерла. Потом у них были настоящие похороны...

– А что случилось с мужем? – любопытно спросила Индия.

– Женился второй раз, – сказала Ли. – Это был прапрадедушка Дофина, и именно он построил Бельдам.

Большая Барбара начала рыдать, не только под влиянием истории, но и из-за уходящего дня, выпитого скотча и растущего чувства потери. Люкер, заметивший это, в утешение разминал бедра матери ступнями ног.

– Так вот почему они теперь больше не втыкают нож до конца? – тихо спросил Люкер.

– Верно, – сказала Одесса.

– Они всего-навсего касаются груди острием – это символическая часть, – продолжила Ли. – Но мертвецу вкладывают нож в руки, и это уже не часть ритуала. Предполагается,

что если кто-то очнется в гробу, то сможет убить себя ножом.

– А Мэриэн Сэвидж не забальзамировали? – спросил Люкер?

– Нет, – ответила Барбара, – Ботвелла не бальзамировали, и она сказала, что тоже не хочет.

– Что ж, – прагматично заметил Люкер, – если бы всех Сэвиджей просто бальзамировали, не пришлось бы беспокоиться о ноже.

– Ты теперь Сэвидж, – обратилась Индия к Ли. – А у тебя есть нож?

– Нет, – ответила Ли удивленно, потому что раньше об этом не думала. – У меня нет, я не знаю, что они сделают...

– Мэм, – сказала Одесса, – у вас есть нож.

Ли подняла голову.

– Правда? И где он, Одесса, я не знаю...

– Миз Сэвидж подарила его вам на свадьбу, но мистер Дофин не хотел, чтобы вы видели. Он спрятал его. Он знает, где искать, и я знаю, где искать. Могу показать вам, если хотите посмотреть.

Она направилась за ножом.

– Нет, – закричала Большая Барбара, – оставь это, Одесса. Одесса села.

– Как-то жутко, – сказала Ли, чуть вздрогнув. – Я не знаю, я...

– Я не хочу, чтобы они это сделали с тобой, – сказала Большая Барбара.

– Она теперь Сэвидж, Большая Барбара, – заметила Индия. – Так нужно сделать – я имею в виду, когда она умрет.

Карандаш Индии молнией перемещался по листку под большим углом. Она все еще не видела того, что нарисовала.

– Нет! – закричала Большая Барбара. – Дофин не вонзит в тебя нож, он...

– Барбара, – сказал Люкер, – не заводись. Если она мертва, ей это не навредит. Ли еще не мертва, да и к тому же ты вряд ли будешь рядом, когда это случится.

– Мне все равно не нравится.

– Что ты, мама, не беспокойся об этом. Я просто хотела, чтобы вы все узнали о ноже, чтобы потом не спрашивали Дофина, когда он придет. Он был к нам очень добр уже тем, что позволил присутствовать на службе. Похороны в семье Сэвиджей всегда были полностью приватными из-за ножей, но он показал, как сильно нам доверяет. Он знал, что мы не будем распространять по всему белу свету, что Мэри-Скот воткнула кинжал в грудь Мэриэн после смерти...

– Конечно, не будем! – закричала Большая Барбара и пролила последний растаявший лед.

– Дофин знает, что мы знаем? – спросил Люкер.

– Он попросил меня рассказать миз Ли, чтобы она могла рассказать вам всем, – ответила Одесса, – так что да, он знает.

– Хорошо, – сказал Люкер, пристально глядя на мать, – тогда мы больше никогда об этом не упомянем. Дофин – ми-

лейший человек на земле, и никто из нас не скажет ничего, что могло бы даже самую малость поставить его в неловкое положение, да, Барбара?

– Само собой!

– Я пошла готовить ужин на всех, – сказала Одесса и отправилась на кухню.

Ли с матерью пошли в спальню, чтобы поискать для Большой Барбары наряд поудобнее. Близость матери и дочери МакКрэй держалась главным образом на том, что они помогали друг другу одеваться и раздеваться.

Люкер ушел на кухню наполнить стаканы себе и Индии. Когда он вернулся, то сел на скамейку рядом с дочерью и сказал:

– Дай посмотреть, что ты нарисовала.

Она удержала рисунок.

– Это не я, – сказала Индия.

– В смысле?

– То есть это не я рисовала, я просто держала карандаш.

Люкер тупо посмотрел на нее.

– Показывай рисунок.

Она передала ему лист.

– Я даже не смотрела. Я что-то рисовала, но потом остановилась, чтобы послушать историю, а карандаш продолжал двигаться. Посмотри, – она указала на несколько отдельных линий, – вот тут я начала рисовать, но теперь все перекрыто.

– Это не твой стиль, – с любопытством заметил Люкер.

Рисунок был выполнен красным карандашом на обратной стороне листа миллиметровой бумаги – до странного академическое построение, портрет полной дамы с угрюмым лицом, скованно сидящей в кресле, едва различимом за ее пышными формами. На ней было платье с тугим корсажем и невероятно широкая юбка. Она вытянула руки перед собой.

– Что у нее в руках, Индия?

– Это не я рисовала, – сказала Индия. – Думаю, это куклы. Такие уродливые! Как будто восковые фигуры, забытые на солнце – расплывшиеся и деформированные. Помнишь в музее Нью-Йорка этих ужасных немецких кукол, которые были срисованы с настоящих детей, – ты сказал, это самое уродливое, что ты когда-либо видел? Наверное, это они и есть – наверное, я вспоминала их, когда...

– Когда что?

– Когда рисовала это, – озадаченно проговорила она. – Только вот не я рисовала – оно нарисовалось само.

Индия покачала головой и сделала глоток хереса.

– Это платье на женщине, Индия, какой оно эпохи?

– Эм... – она засомневалась. – 1920-е?

– Холодно, – сказал Люкер, – такое носили примерно в 1875-м. Собственно говоря, это именно 1875-й, ты правда не знала?

– Нет, – ответила Индия. – Я просто сидела, слушала историю Ли, а рисунок получился сам собой, – она взглянула на лист с отвращением. – И мне он не нравится.

– Да, – сказал Люкер, – мне тоже.

Глава 3

В тот вечер, когда Дофин вернулся после того, как отвез Мэри-Скот в монастырь в Пенсаколу, никто не заговорил о похоронах или ноже, и Ли спрятала пачку извлеченных из почтового ящика писем с соболезнаваниями. Ужин прошел достаточно тихо, и, хотя все, кроме Дофина, переоделись, у всех было ощущение, будто их накрахмалили и прижали к стульям. Даже Дофин выпил слишком много вина и просил вернуть третью бутылку, когда Одесса с неодобрением унесла ее. За ужином они решили покинуть Мобил на следующий день: выбирали, чьи машины взять на побережье, кто пойдет за покупками, в какое время выехать, что делать с почтой, делами и Лоутоном МакКрэм. Смерть Мэриэн Сэвидж была изначальной причиной поездки, но о ней не говорили. Большой дом находился так близко, и главная спальня, из которой умирающая женщина почти не выходила два года из-за болезни, теперь, казалось, дрожала от непривычной пустоты всю ночь.

За столом Дофин то и дело наклонялся в сторону, чтобы разглядеть видимое только из столовой окно материнной спальни – как будто ожидая или опасаясь увидеть свет, горевший в этой комнате каждый ужин с тех пор, как они с Ли вернулись после медового месяца.

Они засиделись за десертом и кофе, и ужин уже поряд-

ком затынулся, когда наконец начали вставать из-за стола. Ли сразу пошла спать, а Большая Барбара отправилась на кухню помогать Одессе загрузить посудомоечную машину. Проследовав за отцом и Дофином на веранду, Индия растянулась на диване, положив голову Люкеру на колени, и заснула, не потревожив блюдце и чашку остывающего кофе, стоявшую у нее на животе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.